

РОДОСЛОВНАЯ СОВЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА

АЛЕКСАНДР ДОНЦОВ
ДМИТРИЙ ДОНЦОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 316.6(47+57)

ББК 60.54(2)

Д67

Рецензенты:

Зинченко Ю. П. — президент Российской академии образования, декан факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Российского психологического общества, академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

Белоусов Л. С. — декан исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор.

На обложке использована репродукция картины «Большевик» художника Бориса Кустодиева, предоставленная агентством МИА «Россия сегодня».

Автор фото — *Владимир Вдовин*

Компьютерный дизайн — *Виктория Лебедева*

Донцов А.И., Донцов Д.А.

Д67 Родословная советского коллектива / Александр Иванович Донцов, Дмитрий Александрович Донцов. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-119682-0

Как возникла социальная матрица советской жизни? Почему коллектив стал ее символом? Какого он роду-племени? Кто его родители? Когда и где увидел свет? Кем была и чем его потчевала кормилица? Каким характером обладал? Сколько лет прожил? Почему умер? Способен ли воскреснуть?

«История — учительница жизни». Забыли заповедь Геродота? Напомним. Не пожалеете.

УДК 316.6(47+57)

ББК 60.54(2)

© Донцов А.И., 2019

© Донцов Д.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Оглавление

Предисловие: как возникла и о чем книга	7
1. Статус: ячейка общества, пространство жизни . .	25
2. Предки: община, приход, артель	61
3. Родители: власть, идеология	129
4. Место и время рождения: город, завод, первая пятилетка	197
5. Кормилица: социальная педагогика	239
Заключение: коллектив умер. Да здравствует коллективизм	307

Alexander Dontsov
Dmitry Dontsov

Genealogy of the Soviet Collective

Table of Contents

Foreword: How the Book Emerged and What it is About	7
1. Status: Unit of Society and Life Space.	25
2. Ancestors: Community, Parish and Artel	61
3. Parents: Power and Ideology	129
4. Time and Place of Birth: Town, Factory, First Five-year Plan	197
5. Wet Nurse: Social Pedagogy	239
Conclusion: the Collective is Dead, Long Live the Collectivism	307

*Памяти Ивана Яковлевича Донцова
и Алексея Ивановича Плешакова*

Предисловие: как возникла и о чем книга

Без малого тридцать лет назад советский коллектив — дружная семья строителей светлого будущего страны и человечества, единственно дозволенная форма социальной жизни граждан — канул в историю. Вместе с породившим и взрастившим его общественным строем. Звучащий сегодня шлягер начала 70-х гг. «Мой адрес — Советский Союз» — явная ностальгия по мироощущению молодости. Популярность написанной три десятилетия спустя песни Олега Газманова «Сделан в СССР» также отчасти обусловлена склонностью находить утешение в воспоминаниях об идеализированном прошлом. Впрочем, прошлое — фундамент настоящего. Частотные словари русского языка свидетельствуют: «коллектив» не исчез из повседневной лексики, хотя употребляется реже прежнего, как синоним любой сплоченной просоциальной группы. Никто из наскоро опрошенных 20–30-летних не вспомнил о коммунистической бригаде, где с нами Ленин впереди, о социалистическом соревновании, ленинском субботнике, о советском народе как новой исторической общности и прочих полумифических реалиях советской жизни. Причастность коммунистическим идеалам, марксистско-ленинскому мировоззрению из нынешнего «кол-

лектива» напроочь выветрилась. Здесь-то и возникает главный вопрос: а была ли она ему когда-либо присуща? Ощущали ли и в какой мере советские люди официально декларированное мессианское предназначение деятельности собственных объединений? Насколько искренней была эта вера? В каких ритуалах воплощалась? Будила радостный энтузиазм или страх ослушания? Как сказывалась в человеческих отношениях, сопутствующих коллективному бытию? Какую роль в динамике коллективообразования играли культурно-исторические события российской общественной жизни? Экономическое положение?

Внятных, фактически обоснованных ответов в отечественной социальной психологии пока нет, да и их поиск спросом не пользуется. Быть может, еще не настало время тревожить коллективистское прошлое соотечественников постарше? Быть может, задачу воссоздать биографию и сводный психологический портрет многоликой «коммунистической общины» перепоручить грядущим поколениям исследователей? Тело Ленина будет предано земле, его взгляды и дела перестанут будить страсти, а советский период нашей истории сольется в восприятии со временем Ивана Грозного. Нынче-то, по данным ВЦИОМ¹, примерно треть сограждан старше 18 лет оценивают итоги деятельности Ленина как позитивные, его взгляды соответствующими собственным, а тело вождя — неприкосновенной ценностью. Четверть опрошенных считают: его нужно захоронить, но не сейчас, а когда уйдет поколение, для которого Ленин дорог. Показательно — за последние 10 лет оценки не изменились.

Соблазн завещать научным потомкам рассказ о судьбе коллектива и тем избежать критики профессио-

¹ <http://www.wciom.ru>. Пресс-выпуск № 3087 от 20.04.2016.

нальных обществоведов и возмущения простых свидетелей, чьи воспоминания не совпадут с моим повествованием, велик. Останавливает парадоксальный совет Иисуса ученику: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:22; Лк 9:60). Фразу толкуют давно, охотно и по-разному. Я понял ее по-своему: смертным надлежит самим завершить земные дела и не оставлять долгов в наследство. Интерес к коллективу не случаен в моем научном анамнезе. Это, вероятно, скажется в субъективности оценок, но уберезет от дилетантства. Впрочем, беспристрастные и всеведущие летописцы мне не известны. Поделюсь личной, точнее — биографической причиной нестихающего интереса к коллективным формам жизни сограждан. Запаситесь терпением, читатель, начну издалека.

Дед по отцу, Иван Яковлевич Донцов, рожден в 1877 г. в Полтавской губернии. Казак, служил в армии в чине фельдфебеля, в начале прошлого века обосновался в теперешней Сумской области с женой и четырьмя детьми. Держу «учетную карточку выселяемого кулачества»: экспропрированы дом, магазин, амбары, сараи, тракторы, веялки и иной инвентарь, четыре лошади, жеребенок, три коровы, отара овец. В страду нанимал двух работников. Раскулачен в 1928 г., в 1931 г. — выслан на Урал, работал на руднике под Свердловском. В 1937 г. по доносу осведомителя особой тройкой УНКВД по Свердловской области обвинен в том, что, «оставаясь непримиримым врагом Советской власти, систематически вел махровую к-р (контрреволюционную. — *А.Д.*) пропаганду против политики партии и советского правительства. В к-р духе истолковывал Сталинскую конституцию, восхваляя старый царский строй. Высказывал к-р повстанческие и пораженческие намерения». Это я буквально процитировал выписку из протокола заседания тройки, приговорив-

шей Ивана Яковлевича к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. В одном из них он и умер от истощения зимой 1942 года, за 5 лет до истечения срока. Справку о полной реабилитации за отсутствием состава преступления я получил в конце 90-х. «Состава» и вправду не было: лагерное начальство поддержало просьбу нетрудоспособного заключенного о пересмотре дела, следователь прокуратуры нашел ее обоснованной, но тройка оставила приговор в силе. А если бы его отменили, превратило ли бы это И. Я. Донцова в активного поборника советской власти и колхозного строя? Сомневаюсь. Он этого и не обещал. Просил провести остаток дней в кругу семьи.

Мистика, но почерк, похоже, унаследовал от него. О внешности не скажу. В глубоком детстве старинную дагеротипную фотографию молодого деда видел у старшей сестры отца: в казачьей форме, молодцеватый, с двумя сотоварищами. Снимок затерялся, лица не помню. Единственный чудом уцелевший подлинник — свидетельство об окончании народного училища, выданное 1 сентября 1890 г. Лебединским уездным училищным советом Харьковской губернии. В моем распоряжении, кроме того, ксерокопии дел о раскулачивании, высылке, обвинении по ст. 58–10 УК РСФСР, документов из Томско-Асинского ИТЛ, в том числе заявления о пересмотре дела, а также справки о смерти, выданной в Темниковском ИТЛ, куда деда с частью заключенных перевели после закрытия Томасинлага в 1940 г. Место захоронения найти не удалось: заключенных хоронили в общих могилах без указания фамилий.

На могиле деда по материнской линии, Алексея Ивановича Плешакова (1895–1956), бываю регулярно. Уроженец Кирсановского уезда Тамбовской губернии, из семьи крестьянина-батрака, в юности и сам батра-

чил. С 1915 по 1917 г. воевал на фронтах Первой мировой, в 1918 г. вступил добровольцем в Красную армию, после демобилизации в 1922 г. занимал разные административные должности уездного масштаба, был председателем нескольких сельсоветов. С 1930 г. член ВКП(б). В 1936 г. окончил Высшие курсы советского строительства при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), который в те годы являлся высшим органом государственной власти. С 1938 по 1955 г. — управляющий подведомственным НКВД/МВД Тамбовским областным архивным управлением, капитан. Отец трех дочерей. Смотрю на фотографию, где рано поседевший дед в форме и трое внучат в матросках, по одному от каждой дочери. Ребенком подолгу гостил у него с бабушкой Дарьей Андреевной, профессиональной медсестрой, лечившей мои ссадины и ушибы. Сохранился довольно полный личный архив деда: приказы о назначении и переводе с должности на должность, благодарности, мандаты участника разнообразных конференций «с правом решающего голоса», подробные конспекты трудов Маркса, Ленина, Сталина, выписки из резолюций партийных съездов.

Повременим с поспешным выводом о классовой предопределенности судьбы: беднейшие односельчане А. И. Плешакова участвовали в Тамбовском восстании 1920—1921 гг., а зажиточные земляки И. Я. Донцова ударно строили ДнепрогЭС. Пока продолжу родословную. Мой отец, кулацкий сын Иван Иванович, подростком бедствовал с матерью Елизаветой Михайловной (1882—1942) в хибаре на окраине Харькова, приторговывал папиросами россыпью у вокзала, но пристойно учился, судя по сохранившимся табелям ученика, занимался в радиокружке и награжден значком «Активист-радиолобитель» Радиокomiteта при ЦК ВЛКСМ.

В 1936 г. окончил школу и поступил в Харьковский финансово-экономический институт, в 1940 г. завершил его полный курс по специальности «государственные и местные доходы СССР» с присвоением квалификации «экономист-финансист». Перечитываю и думаю: уж не ирония ли судьбы научить ставшего к тому времени комсомольцем сына раскулаченного считать доходы страны Советов?! В 1940 г. призван в РККА, где и прослужил всю войну стрелком, а затем кассиром 851-й полевой кассы Госбанка 294-й Черкасской стрелковой дивизии. В 1942 г. на Волховском фронте стал коммунистом, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др. После демобилизации в 1945 г. 27-летний лейтенант направлен на работу в контрольно-ревизионное управление Министерства финансов СССР по городу Львову, где и прослужил до выхода на пенсию.

В 1947 г. отец женился на капитанской дочке Марии Алексеевне Плешаковой, студентке филологического факультета Львовского университета, которая в октябре 1949 г. родила меня, Александра Ивановича. Отучившись на факультете психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, в 1975 г. я там же защитил кандидатскую, а в 1988 г. — докторскую диссертацию на тему «Психологические основы интеграции коллектива». По материалам кандидатской опубликованы «Проблемы групповой сплоченности» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 128 с.), «Психологическое единство коллектива» (М.: Знание, 1982. 64 с.), а «докторской монографией» послужила «Психология коллектива. Методологические проблемы исследования» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с.), вышедшая немислимым в наши дни тиражом 59350 экземпляров. Искренне благодарен благословившим эти труды классикам отечественной социальной

психологии Галине Михайловне Андреевой, Евгению Сергеевичу Кузьмину, Артуру Владимировичу Петровскому, Михаилу Григорьевичу Ярошевскому.

Как ранее незнакомые люди, оказавшиеся по необходимости, желанию или случайно в одно время в одном месте, становятся реальной психологической общностью, где ценят и любят друг друга, умеют работать вместе и гордятся принадлежностью к целому? Благодаря чему это происходит? В чем выражается? Долго ли длится? Это, если кратко, предмет моего научного интереса в те неблизкие годы. Откуда он вырос? Возможно, из поэмы «Владимир Ильич Ленин» В. В. Маяковского, любимого поэта пионерского детства, которую знал наизусть и с выражением декламировал родителям. Напомню несколько строк:

Слова
у нас
до важного самого
в привычку входят,
ветшают, как платье.
Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«Партия».
Единица! —
Кому она нужна?!
Голос единицы
тоньше писка.
Кто ее услышит? —
Разве жена!
И то
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,

от него
 лопаются
 укрепления врага,
как в канонаду
 от пушек
 перепонки.
Плохо человеку,
 когда он один.
Горе одному,
 один не воин —
каждый дюжий
 ему господин,
и даже слабые,
 если двое.
А если в партию
 сгрудились малые —
сдайся, враг,
 замри
 и ляг.
Партия —
 рука миллионопалая,
сжатая
 в один
 громящий кулак.
Единица — вздор,
 единица — ноль,
Один —
 даже если
 очень важный —
не поднимет
 простое
 пятивершковое бревно,
тем более
 дом пятиэтажный.
Партия —
 это миллионов плечи,
друг к другу
 прижатые туго.
Партией
 стройки
 в небо взмечем,
держа
 и вздымая друг друга.

Чеканный ритм завораживал, как звук тамтама, а на словах «я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз», кажется, всхлипывал. Не будем обсуждать художественные и прогностические достоинства реакции поэта на смерть творца советской власти. Речь о другом. «Откуда у хлопца испанская грусть?» — спросил М. Светлов в знаменитой «Гренаде» за 10 лет до испанских подвигов советских военных. Вот и мне теперешнему интересно: откуда у мальчишки с не самой «праведной» родословной — ее не замалчивали — сугубо большевистская убежденность в солидарности и единстве обездоленных как залого всеобщего счастья? Второклассником, поступая в театральную студию львовского Дворца пионеров, прочел отрывок цитированной поэмы, начиная с «если бы выставить в музее плачущего большевика...». Руководивший тогда студией ныне знаменитый театральный режиссер удивленно поднял бровь, но принял.

Не уверен, что понимал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», размещенный на гербе СССР. Он ассоциировался со сценой штурма Зимнего дворца в фильме С. М. Эйзенштейна «Октябрь». Уверен — не понимал доводов Н. С. Хрущева о «новой исторической общности», прозвучавших на XXII съезде КПСС в 1961 г. Но хорошо помню общешкольное ликование 12 апреля того же года. Помню радостное возбуждение в праздничной толчее на майской демонстрации. Восторг, когда наш 3«А» собрал больше всех макулатуры. Помню, как хором обещали «горячо любить свою Родину. Жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия». В пионеры нас принимали торжественно, в большом красивом зале музея вождя. Помню ночной костер в пионерском лагере. Походы в театр всем классом. Совместную работу в школьном музее Холма славы, где захоронены